

УДК 398.22 (=512.215)

DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-82-87

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН

Концепт кары (наказания) в фольклоре ороков (уйльта)

В статье рассматриваются некоторые аспекты концепта кары в сказочной прозе (на материале фольклора ороков) как элемента внедрения определенных социальных и нравственных норм через фольклорные произведения жанра *тэлунгу*, что было свойственно фольклору малочисленных этносов, в большинстве своем не имевших письменности. У всех тунгусо-маньчжуроязычных народов именно жанр *тэлунгу* в течение веков оставался единственным средством сохранения исторических и культурных сведений, трансляции социальных норм и нравственных установок. Значение *тэлунгу* особенно в жизни такого народа, как уйльта (ороки), трудно переоценить.

Ключевые слова: орокский фольклор, жанры, тэлунгу, концепт кары, сюжеты, мотивы, запреты.

Фольклор ороков или уйльта, одного из самых малочисленных тунгусо-маньчжуроязычных народов, проживающего на северной оконечности о. Сахалин, никогда ранее не был предметом исследования и до настоящего времени практически не представлен в публикациях в России. Что касается работ японского исследователя Дзиро Икегами [*Uilta oral literature...*, 1984], одного из ведущих специалистов по орокскому языку, то опубликованные им лингвистические работы на японском языке и «уйльтинские» тексты, представляющие особый интерес, так как в большинстве своем – это образцы фольклора южных ороков (записи 1940–1970-х гг.), для российских исследователей всегда были малодоступны, как и работы других немногочисленных японских фольклористов.

В России образцы фольклора ороков (уйльта) впервые были опубликованы в качестве приложения в книге Т.И. Петровой «Язык ороков (уйльта)» [1967, с. 127–150]. Большую часть из них можно назвать фрагментами фольклорных произведений, поскольку автор, записывая в 1937 и 1949 гг. тексты от студентов-ороков, приехавших на учебу в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.Герцена, ставила перед собой сугубо лингвистические задачи: подготовить грамматический очерк ранее не описанного языка, долгое время считавшегося одним из диалектов нанайского. Приложение к книге Т.И. Петровой – это 8 текстов, описание игры орокских детей и 14 загадок на орокском языке, снабженные русским переводом (часто семантическим). Сегодня эти записи бесценны: в них зафиксирован фольклор, бытовавший в пору активного функционирования орокского языка.

В последние десять лет появились публикации орокских фольклорных произведений, записанных в конце 1980-х гг. во время экспедиций на о. Сахалин Л.И. Сем и Ю.А. Сем [Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю., 2011, с. 72–94], но только на русском языке, причем, как отмечал ответственный редактор этой публикации В.А. Тураев, записей на орокском даже в личных архивах Сем обнаружено, к сожалению, не было [Тураев, 2011, с. 1–5].

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: larisa-3302803@rambler.ru (для быстрой связи); larisa.larisa-3302803@yandex.ru (для пересылки текстов).

В 2014 г. вышли «Сказки народности уйльта», представляющие собой фрагменты сказок и загадок из книги Т.И. Петровой с новыми переводами Е.А. Бибиковой и В.А. Михеева, снабженные прекрасными по исполнению стилизованными иллюстрациями [Бибикова, Михеев, 2014]. На этом, собственно, и исчерпывается список публикаций, связанных с фольклором уйльта (ороков) в России.

Поскольку именно фольклор у народов Севера, в большинстве своем не имевших письменности, в течение веков оставался единственным средством сохранения исторических и культурных сведений, трансляции социальных норм и нравственных установок, его значение в жизни особенно такого малочисленного народа, как уйльта (ороки), трудно переоценить.

В основу данной публикации в качестве основных источников сведений по орокскому фольклору были положены фольклорные материалы К.А. Новиковой¹ и полевые записи автора статьи², ранее не публиковавшиеся. В указанных источниках представлено около 70 разножанровых произведений орокского фольклора: *тэлуну* ~ *тэлунгу* 1) 'предание, легенда, сказание, старинный рассказ'; 2) 'миф'; *ниңма* ~ *нимңа* 'сказание, сказка (обычно с заимствованным сюжетом)', *сахури* 'детская сказка, волшебный рассказ'; *јаја* 1) 'шаманская песня'; 2) 'песня необрядовая: личная и колыбельная'; *хэддэ* 'хороводная песня', а также произведения паремиологических жанров: *нэнэвкэ*, *гајаво* 'загадки' и отсутствующие как самостоятельный жанр, но широко распространенные в фольклорных текстах *вакалаха(н-)* 'запреты'.

Особенностями всех орокских *тэлунгу* (как, впрочем, и произведений жанров *сахури* и *нимна*) является их «лоскутность», фрагментарность, совмещение сюжетов и мотивов, в том числе из произведений иных жанров, поскольку уже к середине XX в. «целых», не контаминированных текстов практически не сохранилось.

Л.И. Сем и Ю.А. Сем определяли орокские *тэлунгу* как 'предания, мифологические рассказы (легенды о межродовой борьбе, переселении родов, родовой мести, выдающихся личностях, тотемных животных, топонимические предания)' [Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю., 2011, с. 72].

На наш взгляд, основной жанровой особенностью орокских *тэлунгу* является их ориентация на достоверность, реальность сообщаемой и в определенной степени мифологизированной информации, что подчеркивается стандартным началом рассказа словами *халан-да горончиду* 'когда-то давно'. По мнению информантов, все описываемые события происходили на самом деле, хотя многие – «очень-очень давно», потому что «неправда» или ирреальные события не требуют «привязки» ко времени, они происходят вне временных рамок.

Тэлунгу как жанр несказочной прозы представлен в орокском фольклоре мифологическими рассказами (архаичные сюжеты), историческими преданиями (реальные люди действуют в нереальных обстоятельствах) и шаманскими историями. Анализируя *тэлунгу*, мы в большей мере ориентировались на один из аспектов концепта кары исключительно как наказания, не касаясь вопросов мести, которая, безусловно, тоже является карой более жестокого порядка, охватывающей отношения межчеловеческие (см., например, *тэлунгу* «Дахиннени, Валуннени» [Петрова, 1967, с. 135–140]; «Как айну с уйльта воевали» [Архив Новиковой, № 4]). Именно поэтому для анализа интерес представляли тексты, рассматривающие отношения между человеком и нематериальным миром, регламентируемые посредством кары как элемента внедрения неких социальных и нравственных норм через фольклорные произведения типа преданий. Но в большей мере, на наш взгляд, внедрение социальных и этических норм характерно «для сказок (что свойственно бесписьменным обществам или ранним этапам социализации человека, например, ребенка, ср. русские народные сказки)» [Можаев, 1956, с. 5].

В русском языке слово «кара» определяется как «наказание за проступок» [Ушаков, 1935, с. 1316], т.е. фактически за деяние, которое не поощряется, а, наоборот, порицается, запрещается, за то, что «делать нельзя». Фактически в орокских текстах прямые запреты отсутствуют, но определенные проступки всегда влекут наказание.

И вот здесь мы сталкиваемся с самым интересным моментом: в *тэлунгу* присутствует обязательная авторизованность кары духов и хозяев стихий: земли, воды, лесов, гор, рек, огня и т.п., ее объяс-

¹ Новикова К.А. Полевые записи 1949–1950 гг.: В 4-х тетрадях (25 текстов). Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск). Далее в статье приведены ссылки на эти материалы – (Архив Новиковой) – с указанием номера текста.

² Озолина Л.В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на Северном Сахалине: В 6 тетрадях (29 текстов). Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск). Далее в статье приведены ссылки на эти материалы – (Архив Озолиной) – с указанием номера текста.

няемость и, в противовес ей, как проявление ранних, полупервобытных страхов перед окружающим миром, анонимность кары высших сил, ее необъяснимость, табуированность: просто «нельзя, а то умрешь».

Отметим, что ороки существовали в трехмерной системе:

– Верхний мир, непонятный и необъяснимый, населенный небесными жителями (кто они, как выглядят, за что отвечают и т.п., совершенно не объясняется); попасть туда можно, выстрелив из лука и подтянувшись по привязанной к стреле веревке (Архив Новиковой, № 2);

– Средний мир, в котором обитают люди и духи-хозяева воды, земли, моря, гор и т.п., часто имеющие вполне реальные обличья и общающиеся с людьми, объясняющие им свои запреты и пожелания, преимущественно регламентирующие отношения человека и природы;

– и Нижний мир, или Мир мертвых, куда можно попасть случайно (обычно через отверстие в земле или нору лисы), см.: [Петрова, 1967, с.145; 19], а также (Архив Новиковой, № 5; Архив Озолини, № 35). Границы отношений с его обитателями строго определены, но почти всегда эти отношения опасны для обычного человека и сопровождаются множеством запретов (нельзя есть еду, которую едят в Нижнем мире или приносить ее в Средний мир, нельзя брать вещи из Нижнего мира, нельзя иметь близкие отношения с женщинами из Нижнего мира, и т.п.), но эти табу никогда не объясняются и существуют как данность, которая всегда карается.

В орокском фольклоре, как мы уже отмечали, собственно запреты в качестве самостоятельного жанра не выявлены, обычно они «спрятаны» в *тэлунгу*, одним из элементов завязки или финалом которых и является запрет в достаточно прямолинейной форме: это либо предупреждение самого духа-хозяина, либо просьба, высказанная обиженным духом или животным, либо призыв поступать определенным образом, и т.п. Таковы запреты в рассказах о Тава эдэни – Духе огня (он приходит к человеку во сне и предупреждает о грядущем пожаре как наказании за жадность, после чего человек делает вывод, что «если не давать огню табак, пищу – он сердится, жилище спалит, огонь надо кормить»); о пэттэ – Наму эдэни (нерпе – Царице моря; она утаскивает старика в свое жилище в наказание за то, что он пытался напасть на нее, и требует откупа, а также объясняет старику: «Если не угощаешь меня табаком, пищей, то я нерпу, рыбу тебе не буду посылать», т.е. грозит ему голодной смертью); об охотнике, побывавшем у Медведя-хозяина, который объяснил ему, как нужно убивать медведей – «колоть ножом в сердце» или убивать стрелой, а не саблей (*тэлунгу* «Карима»); как нельзя себя вести, приходя в гости («Силопу Бэгдини ‘Нога из вертела’» – миф о происхождении мошек и комаров); и др.

В целом система запретов регламентировала многие стороны жизни ороков. В основе всякого *запрета* лежало некое суеверие, но суеверие это носило достаточно прагматический характер. Кроме того, нарушивший запрет имел возможность искупить вину, откупившись или принеся жертву: например, белого или пестрого оленя (*тэлунгу* «Мангасал» – о братьях, отправившихся на охоту за нерпой); собаку (*тэлунгу* «Буктану» об одинокой аинской девушке и ее сыне – Архив Новиковой, № 6) и т.п.. Элемент принесения человеческой жертвы (убийство своего слуги-спутника) и окропление кровью его сердца земли с целью развеять темные силы, окружившие нарушившего запрет человека, – единственный фрагмент жестокости, осознающийся носителями языка как чужеродный элемент в орокском фольклоре (*тэлунгу* «Хониракку» – Архив Новиковой, № 3); возможно, здесь проявляется влияние палеоазиатского фольклора – например, нивхского.

Нарушение той или иной нормы (не угощение духа огня (очага), не жертвование водки и табака царям моря и воды, убийство животных сверх меры, не для пропитания и пр.) всегда было чревато немедленным наказанием – карой – со стороны обиженного духа-хозяина: дом жадного сгорал – его сжигал хозяин огня (*тэлунгу* о «Хозяине огня» [Uilta oral literature..., 1984, p. 12]), хозяин моря переставал посылать добычу (*тэлунгу* «Морские цари» – Архив Новиковой, № 14; «Нерпа-владычица моря» [Петрова, 1967, с. 140]), охотника-варвара, убивающего медведей для забавы, ждала смерть (*тэлунгу* «Хониракку» – Архив Новиковой, № 3) и т. п. Интересно, что наказания за проступки распространялись и на зверей – например, лисицу, обидевшую Мышку-мать (Белку-мать и др.), уносил на Морской остров и оставлял там одну Дедушка-цапля (Архив Новиковой, № 11; Архив Озолини, № 30, 39).

Другого рода кара, анонимная и необъяснимая, часто сопряженная со смертью, ждала не только самого человека, нарушившего существующие табу, но и весь род: пролитая на землю кипящая вода вела к неминуемым бедам, например, пожарам и землетрясениям (хотя на Сахалине толчки в 1-2 балла практически не замечаются коренным населением), наводнениям и волнам цунами, сопряженным с гибелью людей, уничтожением поселков, запасов еды и оленей. Принесение вещей или еды из Нижнего мира – мира мертвых (явно сказочный элемент) всегда вело к смерти принесшего; вообще путешествие в Нижний мир оканчивались для попавшего туда и возвратившегося концом обычной жизни: он становился либо шаманом, либо быстро умирал (*тэлунгу* о братьях-шаманах – Архив Новиковой, № 21, и т.п.). Побывавший в Верхнем мире или пообщавшийся с небесными жи-

телями исчезал навсегда и никогда не возвращался (*тэлунгу* о Делони [Петрова, 1967, с. 143]; *тэлунгу* о Сангимата-мэргэ – Архив Озолини, № 49).

Итак, в *тэлуну* ~ *тэлунгу* – преданиях ороков (уйльта) одним из сюжетобразующих элементов является концепт кары (наказания) за сознательное или неосознанное нарушение общепринятых традиционных норм и запретов, как социальных, так и нравственных. Отличительной характеристикой наказания в любой форме является его гуманистическая составляющая: кара неминуема, но не жестока – жертвой можно искупить вину или же – одна из характерных черт тунгусо-маньчжурского фольклора – хитростью избежать наказания в полной мере; кроме того, у нарушившего запрет всегда остается возможность правильного выбора в дальнейшем.

Через систему наказаний, которые полагаются за некие нарушения, в преданиях реализуется система нравственно-этических норм взаимоотношений человека и природы, человека и духов Верхнего и Нижнего миров, человека и хозяев стихий леса, моря, неба, огня, а также человека с человеком и т.п.

Интересен тот факт, что все хозяева стихий и духи могут представлять перед человеком во вполне понятных и осязаемых образах, чтобы преподать урок или объяснить суть запрета, тогда как обитатели Верхнего мира практически все нематериальны, а связанные с ними запреты не объясняются, а являются табу по своей сути. Взаимоотношения человека с человеком всегда учитывают фактор родства и дружелюбности, четко дифференцируя допустимые запреты и наказания для «своих» и «чужих», тогда как общение с Нижним или Верхним миром заканчивается концом обычной жизни: превращением обычного человека в шамана, ранней смертью или исчезновением.

Список литературы

Бибикова Е.А., Михеев В.А. Сказки народности уйльта. Южно-Сахалинск: Сахалин – Приамурские ведомости, 2014. 27 с.

Можаев Б.А. Удэгейские сказки. Магадан: Кн. изд-во, 1956. 63 с.

Петрова Т.И. Язык ороков (уйльта). Ленинград: Наука, 1967. 156 с.

Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. Фольклор ульта (ороков) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14: Этнографические исследования. 155 с.

Сказки народности уйльта. Южно-Сахалинск: Сахалин – Приамурские ведомости, 2014. 27 с.

Тураев В.А. Предисловие ответственного редактора. К изданию: Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. Фольклор ульта (ороков) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Том 14: Этнографические исследования. С. 1–5.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Москва: Сов. энцикл., 1935. Т. 1. 1565 с.

Фетисова Л.Е. Нивхский сказочный фольклор: общее и особенное // I Сибирский форум фольклористов: Тезисы и доклады. 7–11 ноября. Новосибирск, 2016.

Uilta oral literature (A Collection of Texts) translated and annotated by Jiro Ikegami. Sapporo: Hokkaido Board Education. Hokkaido Government Office, 1984. 100 p. (на япон. яз.)

Архивные материалы

Архив Новиковой – Новикова К.А. Полевые записи 1949–1950 гг.: В 4-х тетрадях (25 текстов). Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск).

Архив Озолини – Озолиня Л.В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на Северном Сахалине: В 6 тетрадях (29 текстов). Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск).

L. V. Ozolinya

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
larisa-3302803@rambler.ru, larisa.larisa-3302803@yandex.ru

The concept of punishment (penalty) in the folklore of the oroks (Uilta)

The article attempts to consider one of the functional and content aspects of the concept of punishment (penalty) on the material of works of unsavory prose in folklore of a few Tungus-Manchu-speaking people - Oroks (Uilta). The material for the analysis of the concept of punishment (penalty) was the tradition of telungu. Telungu as a genre of unsubstantial prose is represented in the Orok folklore by mythological stories (archaic stories), historical legends (real people act in unreal circumstances) and shamanic stories.

Analyzing telungu, we are more focused on one aspect of the concept of penalty only as a punishment, without touching the questions of revenge, which, of course, is also a kind of more severe penalties. For the analysis of interest was the relationship between man and the intangible world, regulated by means of punishment as an element of the introduction of certain social and moral norms through folk texts. In telungu, the concept of a penalty (punishment) for a conscious or unconscious violation of generally accepted norms and taboos, both social and moral, is one of the plot-elements, though strict bounds as an independent genre have not been identified, they are usually "hidden" in telungu, a bound being one of the elements of the setups or the final expressed in a fairly straightforward form. The distinguishing characteristic of punishment in any form is its humanistic component: the punishment is inevitable, but not cruel - the victim can atone, or, as it is characteristic for Tungus-Manchu folklore, can fully escape punishment by a trick. In addition, the violator has always the right to make a right choice in the future. Through the system of punishments that rely on certain violations, a system of moral and ethical norms of the relationship between man and nature, man and spirits of the Upper and Lower Worlds, man and masters of the elements of forest, sea, sky, fire, as well as man and man, is realized in legends.

All the masters of the elements and spirits can be brought before a man in a completely understandable and tangible forms to teach a lesson or explain the bound, while the inhabitants of the upper world are almost all immaterial and bounds associated with them are not explained and essentially are taboos. Relationships between man and man always take account of kinship and friendliness factor, clearly differentiating the permissible prohibitions and penalties for "their" and "foreign", whereas the communication with the Lower or the Upper Worlds ends with the end of "normal" life: the transformation of an ordinary person to the shaman, the early death or disappearance. Moreover, of particular interest is the fact that Oroks take the transformation of a person into a shaman as a punishment, suggesting that, as in Nivkh, «"elect spirits" did not play in their public life especially significant role» [Fetisova, 2016, p. 70].

Keywords: Orok folklore, genres, telungu, concept of punishment, plot, motive, prohibition.

References

- Bibikova E.A., Mixeev V.A. *Skazki narodnosti ujl'ta [Tales of the uilta nationality]*. Yuzhno-Saxalinsk, Saxalin – Priamurskie vedomosti Publ., 2014, 27 p.
- Mozhaev B.A. *Ude`gejskie skazki [The Udege tales]*. Magadan: Book Publ., 1956, 63 p.
- Petrova T.I. *Jazyk orokov (ul'ta) [Language of the Oroks (Uilta)]*. Leningrad, Nauka Publ., 156 p.
- Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. *Materialy` po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i yazy`ku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar`. Fol'klor ul'ta (orokov) [Materials on traditional culture, folklore and language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian dictionary. Folklore of Uilta (Oroks)]*. *Trudy` instituta istorii, arxeologii i e`tnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Branch of RAS]*. Vladivostok, Dal' nauka Publ., 2011, vol. XIV: *E`tnograficheskie issledovaniya [Ethnographic research]*, 155 p.
- Skazki narodnosti ujl'ta [Tales of the uilta people]*. Yuzhno-Saxhalinsk, Sakhalin – Priamurskie vedomosti Publ., 2014, 27 p.
- Turaev V.A. *Predislovie otvetstvennogo redaktora [Foreword of the responsible editor]*. In: Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. *Materialy` po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i yazy`ku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar`. Fol'klor ul'ta (orokov) [Materials on traditional culture, folklore and language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian dictionary. Folklore of Uilta (Oroks)]*. *Trudy` instituta istorii, arxeologii i e`tnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Branch of RAS]*. Vladivostok, Dal' nauka Publ., 2011, vol. XIV: *E`tnograficheskie issledovaniya [Ethnographic research]*, pp. 1–5.
- Ushakov D.N. *Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka [Defining dictionary of the Russian language]*. Moscow, Sovetskaya e`nciklopediya Publ., 1935, vol. 1, 1565 p.
- Fetisova L.E. *Nivxskij skazochny`j fol'klor: obshhee i osobnoe [Nivkh fairy tales: typology and originality]*. In: *I Sibirskij forum fol'kloristov: Tezisy` i doklady` [Ist Siberian Forum of Folklorists. Theses of reports]*. November 7–11, Novosibirsk, 2016.

Uilta oral literature (A Collection of Texts) translated and annotated by Jiro Ikegami. Sapporo: Hokkaido Board Education. Hokkaido Government Office, 1984, 100 p. (in Jap.)

Archival material

Arhiv Novikovej – Novikova K.A. Polevy`e zapisi 1949–1950 gg.: V 4-x tetradyx [Field records of 1949–1950: in 4 notebooks (25 texts)]. *Arhiv Instituta filologii SO RAN (Novosibirsk) [Archive of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)]*.

Arhiv Ozolini – Ozoliny L.V. Polevy`e zapisi, sdelanny`e vo vremya e`kspedicij 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 gg. na Severnom Saxaline: V 6 tetradyx [Field records made during the expeditions of 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 on Northern Sakhalin: in 6 notebooks (29 texts)]. *Arhiv Instituta filologii SO RAN (Novosibirsk) [Archive of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)]*.